

И снова Хуай Сюй повернулся к нему, похлопывая Цзин Чжэнсюаня по спине и спрашивая: «Что случилось? Как можно поперхнуться водой? Всё в порядке?»

Цзин Чжэнсюань одной рукой держал термос, а другой сжимал горло. После нескольких сильных приступов кашля он наконец смог выдавить: «Всё в порядке, не знаю, как так получилось».

Говоря это, он повертел крышку термоса, взглянул на Шу Цзиньвэя и скосил глаза в сторону двери.

Шу Цзиньвэй немного поколебался, затем широко открыл глаза и за спиной Хуай Сюя указал на дверь: «?»

Цзин Чжэнсюань холодно моргнул в знак согласия.

Шу Цзиньвэй понял. Воспользовавшись тем, что всё внимание Хуай Сюя было сосредоточено на Цзин Чжэнсюане, он под каким-то предлогом встал и ушёл.

Чуть позже Цзин Чжэнсюань, сославшись на то, что ему нужно проветриться, тоже вышел.

Хуай Сюй растерянно посмотрел на два пустых места рядом с собой. Он смутно чувствовал, что что-то не так, но не мог понять, что именно.

Он знал только, что Цзин Чжэнсюань никогда не оставлял его одного. Даже если ему нужно было проветриться, он брал его с собой.

Почему же на этот раз он ушёл один?

Именно после ухода Шу Цзиньвэя...

Интуиция подтолкнула Хуай Сюя выйти следом.

Актный зал университета Цзиньчэн был очень большим. Там был главный зал, вмещавший несколько тысяч человек, и ещё несколько залов поменьше. Внутри было очень просторно.

Хуай Сюй не знал, куда мог пойти Цзин Чжэнсюань, поэтому сначала просто бродил по коридору.

Из-за репетиции в коридоре было полно людей, было шумно. Хуай Сюй шёл и оглядывался по сторонам, и, проходя мимо лестничной клетки, его чуткий слух уловил голос друга.

Голос Цзин Чжэнсюаня уже давно отпечатался в его сознании, он мог узнать его с первого звука.

Тон его друга в разговоре с другими всегда был резким, словно ледяной шип, от которого веяло холодом, он был одновременно суровым и давящим.

Например, сейчас Хуай Сюй услышал, как его друг сказал: «В тот день тебя спас Цзян Юйхань, а не я».

Сразу же после этого прозвучал голос Шу Цзиньвэя: «Но ведь это вы один уложили ту шайку хулиганов, я сам видел, как это мог быть кто-то другой?»

Хуай Сюй: «?!»

Как у одного и того же события может быть столько версий?

Хуай Сюй в замешательстве остановился перед дверью запасного выхода на лестничной клетке, не зная, войти или выйти.

Рассудок говорил ему, что подслушивать нельзя, но чувства заставляли его узнать правду.

Чувства победили рассудок, и Хуай Сюй прижался к стене.

В лестничной клетке на мгновение воцарилась тишина, а затем раздался голос Цзин Чжэнсюаня: «Не заикливайся на фактах, просто скажи Хуай Сюю так».

«...» Шу Цзиньвэй помолчал, а затем кивнул: «Хорошо. Значит, это считается, что вы попросили меня о помощи?»

Цзин Чжэнсюань: «...»

С мрачным видом он посмотрел на собеседника и холодно спросил: «Что ты хочешь?»

Шу Цзиньвэй отступил на шаг: «Старший, вы меня неправильно поняли, я не это имел в виду. У меня всё никак не было возможности вас отблагодарить, и если я вам сейчас помогу, может ли это считаться моей благодарностью?»

Цзин Чжэнсюань: «...»

Он немного помедлил и слегка кивнул: «Считай, что я у тебя в долгу».

«Не стоит быть таким формальным, — Шу Цзиньвэй махнул рукой. — Старший, вам лучше вернуться, я зайду чуть позже».

Услышав это, Хуай Сюй, не успев ничего толком обдумать, поспешил обратно в комнату ожидания. К счастью, идти было недалеко, и он быстро добежал.

Усевшись на место, Хуай Сюй постарался выровнять дыхание, чтобы Цзин Чжэнсюань не заметил ничего необычного.

К счастью, те двое, видимо, ещё о чём-то говорили, и Цзин Чжэнсюань вернулся только после того, как Хуай Сюй перестал краснеть и его дыхание пришло в норму.

Через несколько минут Шу Цзиньвэй тоже вернулся и сел рядом с Хуай Сюем.

Раз уж всё зашло так далеко, Хуай Сюй должен был подыграть.

Он улыбнулся и продолжил расспрашивать Шу Цзиньвэя о том случае, делая вид, что потрясён рассказом о том, как Цзян Юйхань справился с шайкой хулиганов.

«Не думал, что этот Цзян Юйхань такой крутой», — поддержал разговор Хуай Сюй.

Шу Цзиньвэй кивнул: «Да, старший Цзян Юйхань действительно очень крутой».

«А из-за чего вас в тот день хулиганы окружили?» — снова спросил Хуай Сюй.

Услышав этот вопрос, Шу Цзиньвэй опустил голову, начал тереть пальцы и после долгой паузы сказал: «Только не смейтесь надо мной».

«Ни в коем случае, говорите», — ответил Хуай Сюй.

«Эм... — Шу Цзиньвэй опустил голову ещё ниже. — Они требовали с меня деньги за „крышу“*, я пытался с ними договориться, но не получилось, и... меня избили».

*это плата за защиту, которую предоставляют криминальные или, реже, правоохранительные структуры бизнесу или отдельным лицам

Хуай Сюй: «...»

Хотя он и не ожидал такой причины, она казалась вполне логичной.

Такого худощавого, как Шу Цзиньвэй, действительно легко могли обидеть хулиганы. К тому же, он учился на юридическом, возможно, он в какой-то степени надеялся решить дело по закону, что, конечно же, разозлило хулиганов.

Хуай Сюй и сам однажды попадал в подобную ситуацию, к счастью, Цзин Чжэнсюань вовремя подросел.

Вспомнив об этом, он почувствовал, что его недовольство обманом Цзин Чжэнсюаня немного утихло. Но тут же он подумал, что, когда Цзин Чжэнсюань ему врал, на его лице не дрогнул ни один мускул, значит, это наверняка не первый раз. Кто знает, сколько ещё всего он от него скрыл.

Нельзя поддаваться жалости, мысленно сказал себе Хуай Сюй, нужно хотя бы сначала выяснить, не обманул ли его Цзин Чжэнсюань в чём-нибудь ещё.

Он ещё немного поговорил с Шу Цзиньвэем, попросил его обращаться к нему, если такое случится снова, и они даже обменялись контактами в WeChat.

Вскоре подошла очередь выступать Хуай Сюю. Цзин Чжэнсюань помог ему отнести цинь на сцену, а затем отправился в главный зал, где проходила репетиция.

Выступление клуба старинной музыки состояло из двух композиций: традиционной народной и современной популярной.

Время ожидания было долгим, но само выступление на сцене заняло всего несколько минут. Затем нужно было дожидаться окончания репетиции всех номеров, чтобы занять места для финальной общей фотографии, согласно плану организаторов.

Когда всё закончилось, было уже больше десяти вечера. Обычно в это время Хуай Сюй уже готовился ко сну.

Цзин Чжэнсюань очень беспокоился за него. Он заранее отнёс гуцинь Хуай Сюя обратно в комнату клуба, а затем вернулся за ним.

«Пойдём ко мне», — сказал он, глядя на Хуай Сюя. В его тёмно-карих глазах читались и предложение, и беспокойство.

Хуай Сюй всегда был бессилен перед таким взглядом друга. Рассудок ещё пытался возразить, что отпрашиваться из общежития будет слишком хлопотно, но его губы уже произнесли согласие.

Хуай Сюй: «...»

Ничего не оставалось, и он достал телефон, чтобы отпроситься у куратора. К счастью, куратор знал о его ситуации, дал несколько наставлений и согласился.

Хуай Сюй отправил сообщение соседям по комнате в общежитии, попрощался с членами клуба старинной музыки, помахал рукой Шу Цзиньвэю в толпе и направился к Цзин Чжэнсюаню.

Как оказалось, его выбор был абсолютно правильным.

Среди ночи Цзин Чжэнсюань, проснувшись, обнаружил, что температура тела человека в его объятиях необычайно высокая.

Он быстро встал, нашёл градусник и измерил Хуай Сюю температуру. Не теряя времени, пока ждал результата, он достал из холодильника пакет со льдом, обернул его полотенцем и положил Хуай Сюю на лоб.

После этого как раз подоспел результат измерения.

Цзин Чжэнсюань всегда пользовался для Хуай Сюя ртутным градусником.

Раньше он пробовал и электронный, но потом обнаружил, что его показания часто расходятся с показаниями ртутного. После консультации с семейным врачом он отказался от электронного градусника.

Некоторые старые вещи всё же лучше новых.

Ртутный градусник показал температуру Хуай Сюя 37,8°C.

Цзин Чжэнсюань тут же позвонил семейному врачу.

У семьи Цзин было несколько семейных врачей. Из-за того, что Цзин Чжэнсюань учился в университете в Цзиньчэне, врач, который непосредственно занимался его здоровьем, тоже переехал в Цзиньчэн и жил неподалёку.

Врач быстро приехал, осмотрел Хуай Сюя и сказал Цзин Чжэнсюаню, какие лекарства ему нужно дать. О методах физического охлаждения врач не стал распространяться.

И без его слов Цзин Чжэнсюань прекрасно в этом разбирался, даже был в этом весьма компетентен.

Как только врач ушёл, Цзин Чжэнсюань взял жаропонижающее, налил стакан тёплой воды и поставил его на прикроватную тумбочку. Он нежно позвал Хуай Сюя: «А Сюй, просыпайся,

тебе нужно выпить лекарство».

Спящий Хуай Сюй с несчастным видом сморщил личико.

Никто не любит принимать лекарства, и он не исключение. Но что толку не хотеть? Его здоровье было слишком слабым, он практически не расставался с лекарствами с самого детства.

С тех пор как он себя помнил, Хуай Сюй никогда не показывал матери своего нежелания принимать лекарства.

Маме было очень нелегко растить его одной, и он не хотел, чтобы она ещё больше беспокоилась.

Поэтому каждый раз, когда мама давала ему лекарство, Хуай Сюй вёл себя очень послушно и даже с улыбкой проглатывал его.

Одному Богу известно, какой отвратительный привкус оставался во рту после некоторых таблеток!

В полусне Хуай Сюй бормотал: «Не буду пить лекарство», «Не хочу пить лекарство».

Цзин Чжэнсюань тихо вздохнул, разгладил нахмуренные брови Хуай Сюя и нежно уговаривая, проговорил: «Хорошо, не будем лекарство, может, конфетку?»

Сознание Хуай Сюя ещё блуждало во сне, он пробормотал «хорошо».

Цзин Чжэнсюань убрал лёд, просунул руку под шею Хуай Сюя, медленно приподнял его и поднёс несколько таблеток к его губам, тихо говоря: «Давай, открой рот, конфетка пришла».

Хуай Сюй, находясь в полусонном состоянии, слегка приоткрыл рот, Цзин Чжэнсюань тут же положил ему таблетки и, прежде чем Хуай Сюй, сморщившись, успел их выплюнуть, поднёс к его губам стакан: «Запей водой, от воды станет сладко».

Хуай Сюй послушно сделал глоток и тут же проглотил таблетки.

Цзин Чжэнсюань, слегка сжав челюсть Хуай Сюя, заставил его открыть рот, и только убедившись, что все таблетки проглочены, успокоился.

Он предельно осторожно опустил Хуай Сюя обратно на подушку и снова положил ему на лоб обёрнутый полотенцем лёд.

Затем он взял небольшое полотенце и спирт и начал делать Хуай Сюю обтирания для снижения температуры.

Локтевые сгибы, подмышки, подколенные впадины — Цзин Чжэнсюань непрерывно обтирал Хуай Сюя, прилагая ровно столько усилий, чтобы помочь рассеиванию тепла и не растереть нежную кожу Хуай Сюя.

Закончив обтирание, Цзин Чжэнсюань остановился, ожидая, пока выветрится запах спирта.

Слишком сильный запах спирта может обжечь дыхательные пути, а организм Хуай Сюя этого не выдержит.

Обычно Цзин Чжэнсюань использовал тёплую воду, но на этот раз, поскольку температура Хуай Сюя была довольно высокой, почти 38°C, он был вынужден прибегнуть к более радикальным мерам, иначе, если бы жар продолжался, Хуай Сюю, возможно, пришлось бы лечь в больницу.

Когда запах спирта почти выветрился, Цзин Чжэнсюань, поджав губы, немного подумал и всё же снял с Хуай Сюя пижамные штаны, чтобы обтереть спиртом его паховую область.

У него не было ни малейшего намёка на непристойные мысли, он думал только о том, чтобы как можно скорее сбить температуру Хуай Сюя.

Они росли вместе с самого детства, и каждый раз, когда у Хуай Сюя поднималась высокая температура, Цзин Чжэнсюань делал именно так...

Всем спасибо за прочтение! Если вам понравился мой перевод, я буду очень рада вашей "благодарности" в конце каждой главы~

(*~ 3~*)♡

<http://bllate.org/book/18163/1743137>